

САМОСОЗНАНИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

А.И. Фет

Есть не так уж много русских слов, вошедших в международное обращение и оказавших влияние на развитие мировой культуры. Слово, стоящее в заглавии этой статьи, заслуживает особого внимания. Смысл его в нынешней России все еще не утрачен, хотя оно и подверглось девальвации, как и другие важные слова. В наши дни интеллигентом считает себя каждый получивший от государства какой-нибудь диплом; а поскольку без диплома у нас не проживешь, то, пожалуй, половина населения России может теперь претендовать на принадлежность к интеллигенции. Но в то же время сохранилось и представление, что кроме диплома есть еще какое-то более высокое качество человека, описываемое как «интеллигентность» и напоминающее о прошлом, когда это качество встречалось чаще и в лучшем виде. Человеку могут сказать, не справляясь о его дипломе, что у него «интеллигентное лицо» или «интеллигентная речь». Представление об «интеллигентности» выражает ностальгию по прежней России.

В действительности русская интеллигенция была важной общественной группой, очень непохожей на нынешних «работников умственного труда» — как правило, государственных служащих с психологией чиновников. Чтобы понять, чем была и чем может быть интеллигенция, надо напомнить, *как она сама себя понимала*.

Многие особенности нашей интеллигенции, часто обсуждавшиеся в литературе, были свойственны исключительно России, как и самое слово «интеллигенция». Французское слово *intelligence* или английское

того же написания означает «умственную способность», а вовсе не общественную группу людей. Этот новый смысл появился в России и отразился, например, в английской транскрипции *intelligentsia*, воспроизводящей русское произношение и передающей русский смысл этого слова. Во многих странах обнаружались группы людей, напоминающие русскую интеллигенцию и обозначаемые, основательно или нет, тем же названием. Постепенно наше особенное слово стало международным термином, но вряд ли его подлинное значение было где-нибудь так ясно понято, как в России.

Самое глубокое и общее представление о роли интеллигенции выразил выдающийся русский мыслитель Николай Васильевич Шелгунов. Готовя к печати второе издание своих сочинений, он предпослал им, в виде общего введения, статью «Европейский Запад», где историческое значение интеллигенции объясняется так, как понимали его сами русские интеллигенты. Я изложу дальше на современном языке главные идеи этой статьи, раскрыв цензурные недомолвки¹.

Люди каждой культуры живут по ее обычаям, придерживаясь некоторой устоявшейся традиции. Они передают от отца к сыну, как надо жить, и, за редкими исключениями, каждый старается жить, как все. Жизнь племени должна быть неизменной, ее ограждают безжалостные табу. Но все племена меняются и, если не гибнут, превращаются

¹ Эти идеи получили подтверждение в современной биологической науке о поведении — этологии, создателем которой был Конрад Лоренц. Следующее дальше описание субкультур пользуется языком этой науки.

в нации, которые в свою очередь тоже меняются. Что заставляет их меняться?

В каждом племени изредка являлись нарушители традиции, еретики, искатели новых путей. Мы не знаем, кто изобрел лук и стрелы, гончарный круг, колесо, кто первый приручил лошадь. Несомненно, в каждом случае это сделал один человек, или немногие отдельные люди; мы не знаем их имен. Это были подлинные герои культуры, нарушившие главное правило: «живи, как все». Еще больше нарушали традицию люди, сомневавшиеся в каком-нибудь веровании племенной религии: чаще всего они расплачивались за это своей жизнью.

Еретики являлись редко, и культуры развивались медленно. Конфликты между государствами приводили к войнам, но войны мало меняли понятия людей и их образ жизни. Внутри каждого государства возникали социальные конфликты, приводившие к восстаниям, но восставшие всего лишь пытались заменить «плохого» царя «хорошим», не посягая на общественный строй. История изображалась как последовательность войн и династических переворотов.

Но постепенно историки выделили, по крайней мере, в истории Европы три эпохи, отличающиеся особыми чертами, и назвали их «древностью», «Средними веками» и «Новым временем». Резкие изменения, отделявшие эти три эпохи, вызывали пристальное внимание. Историки много спорили, пытаясь установить их временные границы. Границей, отделяющей древность от Средних веков, считали 476 год, когда германский князь Одоакр сместил последнего римского императора: до тех пор, полагают, была все еще «древность». Столь же условно датируется начало Нового времени. Часто считали, что рубежом здесь было открытие Америки Колумбом, происшедшее в 1492 году; но Колумб и его спут-

ники были вполне средневековые люди. Более естественно считать началом Нового времени 1687 год, когда вышла книга Ньютона «Математические начала натуральной философии». Это было в самом деле начало современной науки, но сам Ньютон занимался еще библейской хронологией, углубляясь в Апокалипсис.

Бессмысленно спрашивать, когда в точности началось средневековье или Новое время – так же бессмысленно, как спрашивать, когда в точности ребенок становится юношей, а юноша становится взрослым. И все же различие исторических эпох вполне реально и может быть убедительно описано. Более того, в каждом случае можно указать особые группы людей, которые стояли на границе исторических эпох и доставили идейное обоснование эпохальных перемен. Эти группы, с их уникальными признаками, разделяют исторические эпохи, подчеркивая объективность этого деления.

Культура, как и всякая живая система, неоднородна: в ней образуются субкультуры, обычно отражающие местные особенности или социальные типы. Такие субкультуры могут быть, например, продолжением древних племен, составивших единую нацию, какими были в древней Греции ионийцы, дорийцы и эолийцы, а в древней Руси – поляне, древяне, кривичи и другие племена восточных славян; потомки этих племен различаются диалектами языка и обычаями. В других случаях субкультуры образуются вследствие переселения и колонизации; так, из английской культуры выделилась американская субкультура, впоследствии развившаяся в отдельную культуру, а из русской – субкультуры поморов, сибиряков и донских казаков. Во всех таких случаях субкультуры передают свои свойства по наследству генетическим и культурным путем: это значит, что дети, родившиеся от представителей некоторой субкультуры,

получают при рождении физические особенности своих родителей, а при воспитании – их культурные особенности.

Но в некоторых случаях образуются субкультуры особого рода, соединяющие людей не случайностью их рождения, а общим образом мыслей и поведения: в определенной исторической ситуации может возникнуть целый слой людей, недовольных всем строем жизни своего общества и стремящихся к его радикальному преобразованию. В отличие от отдельных еретиков, оспаривавших ту или иную доктрину или обычай, эти люди обличают все, во что веруют их современники, проповедуя новую веру; и они делают это не в одиночку, а вместе, поддерживая друг друга и продвигаясь в одном направлении. Эти субкультуры можно назвать «прогрессивными», поскольку от них зависят важнейшие перемены в общественной жизни, обозначаемые словом «прогресс».

Первой такой субкультурой были ранние христиане. Учение первых христиан было продуктом еврейского мессианизма, созревавшего в течение столетий пророческого движения, проповедовавшего социальную справедливость и принявшего неизбежную в то время религиозную форму. Апостол Павел придал этой еврейской субкультуре универсальный характер, отделив ее от племенных обрядов, и из нее развилась христианская культура Европы.

Христианство не разрешило социального вопроса: возникшая из него церковь пошла на соглашение с государством и собственниками. В обществе установился феодальный строй, а труженикам пришлось довольствоваться призрачными вознаграждениями загробного мира. Но религия Христа впервые установила принципиальное равенство всех людей, т. е. в нашем понимании положила начало представлению о *правах человека* – не грека, не

римлянина, не еврея, а *человека вообще*. Более того, христианство провозгласило в своей проповеди «милосердия» первые начала *гуманизма*, прежде понятные лишь немногим мудрецам, а теперь обязательные (по крайней мере, на словах) для всех людей. Эти принципы, и сейчас еще далекие от осуществления, были началом новой эпохи в истории человечества, которую впоследствии назвали Средними веками.

После полутора тысяч лет средневековья, когда христианство выродилось в систему циничной эксплуатации, духовная жизнь людей снова зашла в тупик, как это было уже в конце Древнего мира. В течение Средних веков много раз возникали ереси и секты, ставившие под сомнение какие-нибудь доктрины или ритуалы церкви; но эти еретики никогда не отвергали христианскую религию в целом. Можно думать, что все это время в Европе не было неверующих.

Переход к Новому времени так же, как переход от древности к средневековью, отмечен появлением прогрессивной субкультуры – целого слоя людей, полностью отвергших установленные верования и учреждения – церковь и феодальный общественный строй. Эта субкультура, подготовленная английской эмпирической философией и общественной мыслью, сформировалась в середине восемнадцатого века во Франции. Ее идеологами были французские просветители, соединившиеся вокруг знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. В это время и произошел переход общества к новым формам сознания, а затем к новой организации жизни.

Общество Нового времени мы называем буржуазным, поскольку власть в нем перешла от феодалов к буржуазии. Внешним выражением этого была Французская революция. В новом обществе было достигнуто юридическое равноправие граждан, но

по-прежнему не был разрешен социальный вопрос: результаты народного труда присваивались собственниками, а народ жил в нищете. Эта трагедия Нового времени вызвала – в передовых странах Европы – массовый протест трудящихся, социалистическое движение. Во главе этого движения стали образованные люди, составившие особую субкультуру. К ним примкнула лучшая часть русского общества, воодушевленная идеалом освобождения трудового народа. Эта общественная группа, получившая решающее значение в развитии России, называется *интеллигенцией*.

Н.В. Шелгунов распространяет это название на все прогрессивные субкультуры Европы, о которых шла речь: на первых христиан, на просветителей и на социалистов. Таким образом, он придает термину «интеллигенция» весьма общее значение, видя в интеллигенции движущую силу европейской истории. Конечно, выбор термина представляется нам странным, поскольку мы с трудом можем связать его с первыми христианскими общинами (но уже легче с французскими просветителями и европейскими социалистами). Впрочем, и наш термин («прогрессивные субкультуры»), хотя и правильно описывает явления культурного развития, тоже плохо звучит – слишком формально и наукообразно. Между тем речь идет о вполне реальном механизме смены исторических эпох, заслуживающем серьезного изучения, тем более, что очередная смена эпох происходит у нас на глазах. Этого не замечают те, кто видит в истории двадцатого века только поражение русской революции, с механическим продолжением буржуазного строя. Может быть, именно неудачная терминология привела к тому, что важное открытие Шелгунова осталось незамеченным. Между тем оно отчетливо выразило само-

понимание интеллигенции, осознавшей свою историческую роль.

В середине шестидесятых годов русская интеллигенция была уже многочисленным слоем населения России, сознававшим свою особенность и называвшим себя этим словом. Так же называли ее противники, сторонники старого образа жизни, сознательно или бессознательно заинтересованные в сохранении сословного строя и самодержавной власти. Всю эту массу людей, желавших попросту «жить, как все», интеллигенты называли *мещанством*.

Это еще одно ключевое слово русского языка, трудно переводимое на иностранные языки. Смысл этого слова почти утрачен. Первоначально, в официальном языке России, оно означало «мещанское сословие», т. е. городское население, не входившее ни в «более высокие» сословия (дворянство и духовенство), ни в «более низкое» крестьянское сословие. Сюда относились не состоявшие в крепостной зависимости ремесленники, торговцы, заезжие иностранцы, владельцы уже возникших промышленных предприятий, многочисленные чиновники и сами интеллигенты – учителя, врачи, литераторы, адвокаты и другие люди «свободных профессий». Этим «казенным» термином воспользовался Александр Иванович Герцен для обозначения *западной* буржуазии, которую он изучил в годы своей эмиграции, и которую, в качестве убежденного социалиста, он считал главным врагом трудящегося народа. Затем этот термин был перенесен русскими интеллигентами на враждебную им окружающую публику, причем была полностью разорвана связь с казенным употреблением слова «мещанство», сохранившимся в языке царских учреждений. Для полиции сами интеллигенты были «мещане»! История этого слова

сама по себе заслуживает изучения как часть не написанной до сих пор новой истории России.

Для русской интеллигенции все ее политические враги были «мещане» – в том числе чиновники и дворяне. Более того, смысл этого слова нередко расширялся на всю инертную массу населения Европы, противостоявшую жизненно важному для интеллигенции ходу исторических событий². В наше время термин «мещанство» вряд ли вызывает у русского читателя отчетливые представления. Но его прежнее значение возродится вместе с возрождением нашей интеллигенции, потому что враждебная ей общественная среда не заслуживает иного названия.

Самое понятие «интеллигенция» часто определялось в отрицательном смысле, как «антимещанский» слой населения России. Правильнее было бы определить ее как часть образованного населения России, *стремящуюся к просвещению и освобождению трудящегося народа и заботившуюся о его интересах*. Интеллигенция была субкультурой, которую мы описали выше под названием «прогрессивной». Как и другие субкультуры этого типа, она боролась не за свои собственные интересы, а ставила своей целью благо других. Пользуясь термином Огюста Конта, изобретенным в тридцатых годах девятнадцатого века, можно назвать эту установку интеллигенции «альтруистической». Далее, это была *гуманистическая* субкультура,

поскольку ее основной ценностью был человек, независимо от его происхождения и социального положения. Русские интеллигенты, сочувствуя главным образом труженикам, боролись за *социальную справедливость*. Но они не отказывали в человеческих правах и людям «нетрудовых» сословий: дискриминация людей по «социальному происхождению», сразу же введенная советской властью, была им чужда, и сами они стали жертвой этой политики. Точно так же им чужда была любая дискриминация по национальному принципу: наряду с глубокой любовью к своей родине русская интеллигенция была проникнута чувством интернационализма. Она открыта была всем мыслям и чувствам, приходившим из-за рубежа.

Русская интеллигенция состояла из людей разного происхождения, не придававших своему происхождению никакого значения – если не считать так называемых «кающихся дворян», испытывавших чувство вины перед трудовым народом, перед теми:

Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусство, в науки,
Предаваться мечтам и страстям.

Эти стихи Некрасова выражали настроение интеллигентов дворянского происхождения, составлявших со второй половины XIX века уже небольшую часть русской интеллигенции. Главной частью ее были «разночинцы», т. е. люди из «нижних» сословий, получившие некоторое образование и усвоившие интеллигентские идеи в так называемых «кружках», стоявших в начале русского общественного движения. Первые из этих кружков приобрели заслуженную известность: таков был кружок «западников» вокруг Герцена и Огарева, куда входили Грановский, Белинский и Бакунин,

² Именно так понимал слово «мещанство» Р.В. Иванов-Разумник, автор известного двухтомного труда «История русской общественной мысли» (1907), включивший в европейское «мещанство» не только буржуазию, но и аристократию, и духовенство всей Европы. Эта книга недавно была переиздана. Она была по существу попыткой написать историю русской интеллигенции и содержит много интересного фактического материала, но вряд ли эта попытка удалась, потому что автор пытается заключить явления жизни в мертвые философские схемы.

кружок «славянофилов» вокруг братьев Аксаковых, Хомякова и Киреевского, кружки «народников», из которых вышла организация «Земля и воля», и впоследствии кружки марксистов.

Большинство разночинцев происходило из городского населения низших сословий и из духовенства, причем дети священников уже в середине столетия легко освобождались от религии, сохраняя привитые им в детстве этические идеалы христианства. При столь разном происхождении русская интеллигенция приобрела характер *наследственной* субкультуры, так как в интеллигентских семьях дети воспитывались в духе бескорыстной, часто аскетически жертвенной работы на благо народа – и с чувством глубокого презрения к «мещанству», с его атрибутами корысти и карьеризма. Интеллигенция, насчитывавшая перед революцией сотни тысяч людей, была единственным в своем роде этическим явлением. Ее иногда сравнивали с монашескими орденами, внушавшими своим членам суровое чувство долга; но монахи могли рассчитывать на потустороннее вознаграждение, тогда как интеллигенты, не верившие в такие сказки, могли лишь предвидеть наказания от начальства.

Основной чертой интеллигентской этики была бескорыстная работа на благо народа. Русские интеллигенты резко отличались этим от образованных специалистов Западной Европы. Образованные люди Европы – учителя, врачи, инженеры, юристы, литераторы и ученые – были в основном буржуа по своей психологии и жизненной практике. Они добивались успеха в своей профессии, движимые своими материальными интересами и престижем – даже если делали свое дело добросовестно и талантливо, что было тоже, впрочем, условием успеха. Энтузиасты, сознательно работавшие в общественных целях, встречались

редко и вызывали в своей среде недоумение и даже неприязнь.

В России, напротив, сложился другой тип образованного человека. Русские учителя, как правило, ставили себе целью просвещение народа и мирились с самыми скромными условиями жизни. Часто они стремились преподавать в сельских школах, потому что считали неграмотность и отсталость крестьян главным несчастьем России. Вместе с грамотой они прививали детям свои понятия о жизни, свои идеалы справедливости. Это требовало осторожности и нередко вызывало репрессии начальства. Врачи, работавшие в условиях общего невежества и некультурности народной массы, получали бедное жалованье, но не брали денег со своих больных. Русские врачи считали бессовестным извлекать выгоду из страданий простого человека, едва зарабатывающего свое пропитание. Чехов и Вересаев были врачи, видевшие в своей профессии служение народу, но они были и писатели, изобразившие в своих произведениях темные стороны жизни. Такая этика все еще встречается в нашей стране: все знают, как жили и работали хорошие учителя и врачи, нередко наши отцы или воспитатели. Новый тип специалиста, стремящийся только к собственной выгоде и презирающий тех, кто не может платить, все еще кажется нам неестественным, «нерусским» явлением – и это наследие нашей интеллигенции.

Даже инженеры и адвокаты, работавшие на зажиточную публику, нередко имели собственные взгляды и отказывались от бесчестных заработков. Но особенным, беспримерным явлением была русская литература. В условиях царской цензуры литература стала главным выражением общественного мнения, совестью России. В европейской литературе была сильная критическая струя, но не было ничего подобного

общественной позиции русского писателя и связи между ним и его публикой. Можно сказать, что русские журналы были голосом страны. В это трудно поверить в наши дни, когда литература просто никому не нужна и – соответственно этому – прекратилась.

Братство интеллигентов было разнообразно. В него входили знаменитые профессора и инженеры, люди с мировой славой, скромные деревенские учителя и врачи и даже чиновники, пытавшиеся улучшить нравы своего учреждения. Были и богатые люди, искусные дельцы и капиталисты, тратившие свои деньги и отдававшие свой труд для «общего блага». Таковы были братья Третьяковы, создавшие знаменитую картинную галерею, таков был Савва Мамонтов, создавший оперный театр, и совсем уже нельзя назвать капиталистами таких людей, как самоотверженные издатели Павленков, Сытин, Солдатенков, наполнившие Россию прекрасными книгами, или блестящий инженер Николай Георгиевич Михайловский, построивший сибирскую магистраль и ставший, под псевдонимом Гарин, замечательным писателем. У этих людей деньги были не для себя.

Интеллигенция была неоднородна также и в политическом отношении. В самых общих чертах, ее можно разделить на радикалов и либералов.

Либералы – в русском смысле этого слова – не были похожи на западные партии этого названия. В Западной Европе либерализмом называлось политическое движение буржуазии, добивавшейся «свободы торговли», т. е. отмены государственных ограничений промышленной и торговой деятельности. Поскольку в этом состоял главный интерес поднимавшейся к власти буржуазии, в европейском сознании связь между «торговлей» и «свободой» стала почти аксиоматической, как это видно даже из некоторых мест «Истории философии»

Рассела. Но за этим частным аспектом свободы стоял более общий и более важный для человечества вопрос о свободе личности. На Западе, где крепостное право исчезло уже в конце средневековья и где личность человека – во всяком случае, личность собственника – была в значительной степени ограждена от произвола властей, лозунг «свободы» относился именно к свободе экономической деятельности. Европейский либерализм выражал интересы буржуазии и имел, таким образом, корыстный, эгоистический характер. Конечно, буржуазия, защищая свои материальные интересы, тем самым выступала как представитель общечеловеческого интереса: освобождая себя от феодальных уз, она не могла не содействовать освобождению человека вообще.

В России, где до конца XIX века почти не было буржуазии, заимствованный с Запада либерализм приобрел прямой характер, более связанный с первоначальным смыслом слова *libertas* – свобода. Точно так же русские придали прямой смысл термину «демократия», понимая под этим не западную систему представительного правления, а «народоправство» в общем и не очень определенном смысле этого слова. Для русских либералов важна была не «свобода торговли», а *просто свобода*. Либералами были декабристы и Пушкин, не имевшие отношения к торговле, либералами были чиновники вроде Сперанского, генералы вроде Милютина, юристы вроде сенатора Кони, а в двадцатом веке – кадеты, т. е. члены конституционно-демократической партии, иначе называвшей себя «партией народной свободы». Многие из русских либералов были люди с глубоким образованием и гуманными чувствами, немало сделавшие для развития России. Этот слой русской интеллигенции дорожил условиями своей жизни, не следуя примеру аскетов

и подвижников, так что радикальные интеллигенты часто подозревали в либералах неискренних союзников или даже врагов.

Если судить о человеке с точки зрения его общественной функции, то к интеллигентам надо отнести и некоторых людей, не сочувствовавших либеральным доктринам и даже прямо противостоявших интеллигентскому радикализму. Достаточно упомянуть помещиков-славянофилов или таких писателей, как Гоголь, Толстой и Достоевский. Конечно, вопрос о том, кого следует считать интеллигентом, отнюдь не прост. Радикальные русские интеллигенты сказали бы, что славянофилы и Гоголь им чужды, а Толстой и Достоевский хотя и радикальны, но в другом направлении. Эти крайние случаи иллюстрируют сложность занимающего нас вопроса.

Чем же была *радикальная* интеллигенция, неприязненно относившаяся к барскому либерализму и не верившая ни в царя, ни в бога? Значительное большинство русской интеллигенции усвоило, в той или иной форме, идеи европейского *социализма*. Это слово весьма скомпрометировано в нынешней России, поскольку им пользовалась советская пропаганда – для прикрытия нашего рабства и нищеты. Поэтому надо разъяснить, что означало для русских интеллигентов слово «социализм».

Французская революция выдвинула девиз: «свобода, равенство, братство», распространившийся по всему миру и определивший чаяния новой исторической эпохи. Люди, принявшие этот лозунг всерьез – и во Франции, и в других странах, – придавали ему глубокое значение, далеко выходящее за рамки того, что было достигнуто революцией. После поражения крайних революционеров – якобинцев – и последовавшей затем диктатуры Наполеона и

реставрации, во Франции установился компромиссный государственный строй – буржуазная монархия Луи-Филиппа. С 1830 года «свобода» понималась как соблюдение законов, т. е. прекращение феодального произвола, а «равенство» означало юридическое равноправие всех граждан, т. е. устранение сословных привилегий. Это устраивало буржуазию, ставшую господствующим классом вместо дворянства, богатых крестьян, которые могли больше не опасаться за приобретенные после революции земли, и городских предпринимателей, торговцев и банкиров, которые могли беспрепятственно обогащаться. «Четвертое сословие» – неимущие труженики, составлявшие подавляющее большинство населения, не получило ничего, кроме юридических фикций: по известному афоризму, при буржуазном строе «богатый и бедный имели одинаковое право ночевать под мостами Сень». К этому свелись «свобода» и «равенство» для простого народа; о «братстве» можно было и вовсе забыть.

Народ не мирился с властью денег, обрекавшей его на нищету и бесправие. Революция 1848 года свергла монархию, но завершилась кровавой расправой над парижскими рабочими. Политическая власть осталась в руках богатых, бесстыдно выставивших напоказ свою роскошь. После трех лет буржуазной республики, ничего не изменившей в положении народа, власть захватил племянник Наполеона, назвавший себя «Наполеоном Третьим». Это была власть буржуазии без всякого парламентского прикрытия.

В эти годы, тридцатые и сороковые, появились социалистические учения. Учителями были бескорыстные энтузиасты – конторщик Фурье, разорившийся аристократ Сен-Симон, английский фабрикант-филантроп Оуэн. Их после-

дователей стали называть «социалистами». Подобно первым христианам социалисты не посягали на государственный строй и вначале считали безразличной форму правления. Но, в отличие от первых христиан, они видели главное зло в *частной собственности* и понимали, что подлинная свобода, настоящее равенство и братство людей невозможны, пока все богатства находятся в руках немногих, а всем остальным приходится добывать себе пропитание наемным трудом. Социалисты верили, что можно устроить справедливое общество, где все будут работать и никто не будет собственником средств производства – земли, фабрик и заводов. Они верили, что такой справедливый строй может быть установлен мирными средствами: злополучные революции свидетельствовали, что этого нельзя добиться силой. Поскольку их вера казалась безумной, таких энтузиастов прозвали «утопистами», от греческого выражения «место, которого нет».

Безумные мечтатели, предлагавшие невозможные проекты, являлись во все времена: они хотели летать, передавать мысли на расстоянии и даже добраться до Луны и планет. Их высмеивали, но иногда их мечты со временем исполнялись. Общество, какое представляли себе социалисты, не могло быть столь простым, как они думали, но и ковер-самолет был проще настоящего самолета. Очень скоро выяснилось, что богатые и власть имущие не проявляют доброй воли и не хотят расстаться со своей собственностью. Тогда явились другие люди, возложившие свои надежды на захват власти. Это было возвращение к насилию, глубоко чуждому первым социалистам. Из мечты о социальной справедливости возникла «диктатура пролетариата» потом «советская власть», «национал-социализм» и так далее.

Но русская интеллигенция восприняла социализм в его первоначальной форме, как борьбу за социальную справедливость. Учения «утопистов» и романы Жорж Санд нашли в России благоприятную почву. Их сразу усвоили Герцен и Огарев; их обсуждали в кружке Петрашевского, где начинал свой путь Достоевский; к ним пришел в конце жизни Белинский. Щедрин всю жизнь был фурьеристом, а Чернышевский и Добролюбов уже не довольствовались мирным социализмом и замышляли немирные средства. Постепенно в России проявились все цвета социалистического спектра.

Русская интеллигенция формировалась под знаком социализма. Даже русские либералы не были чужды этих идей: кадеты были, как правило, тоже ревностные сторонники социальной справедливости, возлагавшие надежды на мирную эволюцию. Более того, Толстой и Достоевский, искавшие спасения на путях религии, всегда стремились к равенству и братству людей, как бы мало они ни ценили свободу. Невозможно найти интеллигента, избежавшего влияния социализма, – во всяком случае, после декабристов. Причиной этого было особое отношение к собственности, всегда характерное для России.

Изречение Прудона «собственность – это воровство» нигде не было так справедливо, как в нашей стране. В России собственность редко была плодом личного труда. Труженик был неимуш, а в самом обычном случае он сам был крепостной собственностью. Главное имущество – земля – доставалась по наследству и была в руках дворян. Иначе говоря, в России продолжался сословный строй, какой был в Европе в Средние века. В эту отсталую страну, начиная со времени Петра, непрерывно доставлялись мысли европейского производства, на несколько столетий опережавшие ее убогую действительность. И, прежде всего, сама

русская интеллигенция была неимущей – если не считать «кающихся дворян». Сыновья священников, мелких чиновников или крестьян, бывшие семинаристы и студенты, ходившие в рваных сапогах, с продранными локтями, пробивались «в люди», зарабатывали себе на жизнь, но редко обзаводились собственностью. Собственность вызывала у них естественную неприязнь, но никоим образом не зависть: они слишком хорошо знали, откуда берется эта собственность.

Россия, географически принадлежащая к Европе, была не только отсталой страной, это была страна азиатского беззакония. Помещики распоряжались крестьянами без всяких правовых ограничений, а те отплачивали им, воруя все, что плохо лежит; маркиз де Кюстин не престаивал удивляться этому, не умея уберечь свои чемоданы. Чиновники ничего не делали без взяток: «не подмажешь – не поедешь». Купцы твердо знали главное правило коммерции: «не обманешь – не продашь». Русский интеллигент, начавший об этом задумываться, не мог проникнуться уважением к собственности. Даже русский барин, читавший французские книги, начинал стыдиться своей собственности и искал ей какое-нибудь оправдание; если не находил, становился интеллигентом и социалистом. Можно сказать, что идеи социализма принялись в России как нигде в мире и должны были принести урожай. К несчастью, выросло не то, что сеяли интеллигенты, но это уже другой разговор, и это была не их вина.

Все идеи, приходившие в Россию с Запада, воспринимались как «последнее слово науки». Это не так уж удивительно, поскольку отсталость нашей страны была очевидна, и превосходство европейской культуры бросалось в глаза всем, кто имел к ней доступ. Русским не очень дозволялось ездить в Европу, но потребности имперской бюрократии заставляли посылать туда

молодых людей – «для подготовки к профессорскому званию» или для обучения какому-нибудь полезному искусству. А главное – в Россию все время проникали иностранные книги. Знание языков было тогда началом всякого образования; во всяком случае, все окончившие гимназию читали по-французски. Из французских книг, часто не прошедших никакой цензуры, можно было узнать много интересных вещей. В частности, идеи социалистов вскоре приобрели наукообразный характер. Виктор Консидеран рационально изложил мысли Фурье, ученики Сен-Симона придали его идеям систематический вид, наконец, Луи Блан и Прудон писали уже ученые трактаты, доказывая неизбежность социальных перемен. Следующей стадией «научного социализма» был, разумеется, марксизм; но к нему интеллигенты обратились лишь в конце девятнадцатого века. Когда первые русские интеллигенты ссылались на «новейшие достижения науки», они имели в виду все еще «утопический социализм», с его мирными средствами просвещения и кооперации.

Идеи революционного насилия тоже явились не без влияния Запада. Декабристы принялись устраивать, в сущности, дворцовый переворот по образцу русского восемнадцатого века, но уже под влиянием Французской революции. Офицеры научили солдат кричать «Ура, Константин!», что солдатам было понятно, но, сверх того, «Ура, конституция!», что было уже совсем не по-русски. Есть версия, что солдаты считали Конституцию женой Константина. Народовольцы перешли от пропаганды к террору – от отчаяния. Их вылавливали и казнили, и они хотели было устроить восстание, или, как вспоминает Вера Фигнер, «инсurreкцию»: у них не было русского слова. Подсчитав сторонников, обнаружили всего несколько сот «инсургентов», что

было явно недостаточно. В таких случаях «террор» возникает сам собой, а потом ему ищут обоснование.

Наконец, из Европы пришел совсем уже научный социализм, или коммунизм, в котором насилие, по-видимому, объявлялось законным и желательным. Так поняли марксизм некоторые русские интеллигенты. Это было не совсем верно: европейские социалисты обошлись без насилия. Но Россия, погрязшая в насилии, должна еще этому научиться.

Задача, которую ставили себе русские интеллигенты, была непомерно трудна. Они хотели осуществить свои идеалы в стране, еще не вышедшей из феодального строя, с самодержавной монархией и бюрократическим управлением, подавлявшим всякую общественную инициативу. Очевидный путь развития страны шел через капитализм, и буржуазия, уже сложившаяся в начале двадцатого века, готовилась захватить власть. Радикальная интеллигенция, видевшая перед собой буржуазную Европу, не хотела такого будущего. Русские интеллигенты видели в своем народе задатки нового общества. Они находили их в крестьянской общине, где сохранились навыки сотрудничества и самоуправления, и пытались привить крестьянам современную кооперацию. Они устраивали рабочие профсоюзы. Учителя учили детей грамоте, врачи боролись с болезнями и суевериями. Вся интеллигенция поднималась на борьбу с голодом и холерой.

В несколько десятилетий русские интеллигенты проделали огромную работу, приблизив Россию к европейской культуре. Их усилиями были созданы университеты с высокими научными традициями, научные школы, получившие мировое признание. Начало века Россия встретила бурным раз-

витием промышленности и железных дорог: все это строили русские инженеры. Русская литература, музыка и искусство, мощно развившись в девятнадцатом веке, в начале двадцатого удивили мир своей силой и новизной.

Культурный рост России не был стихийным процессом. То, что было сделано в России, не могло быть сделано без энтузиазма. Здесь была та же энергия человеческого духа, которая просветила варваров Европы, выстроила соборы, создала современную цивилизацию. Но, несомненно, здесь было больше разумного, сознательного деяния. Это было деяние русских интеллигентов, благородных и бескорыстных создателей нашей культуры. То, что они сделали, не должно быть забыто. Но роль интеллигенции вовсе не исчерпана. Напротив, она неизбежно должна снова взять на себя историческую функцию, которую не может выполнить никто другой.

Судьба русской интеллигенции была трагична. Все знают мещанскую версию русской истории, сваливающую на интеллигенцию вину за неудавшуюся революцию. Но революции не устраиваются по замыслу людей – они *происходят*. Так произошла, в условиях проигранной войны и отчаяния народной массы, Февральская революция. Стихийное движение обычно находит вождей в образованных классах общества, и эти вожди в значительной мере случайны. Так было во Французской революции, и так случилось в России. Подлинными вдохновителями интеллигенции не дожили до революции. А люди действия, берущие на себя организацию революционных учреждений, обычно не бывают выдающимися людьми. Развитие событий, последовавшее за Февральской революцией, не было результатом какого-нибудь

плана: революционные события всегда случайны, хотя люди пытаются придать им определенное направление. Военный путч, устроенный большевиками и названный «Октябрьской революцией», отдал власть в руки сектантов, вообразивших себя единственными толкователями и исполнителями марксизма. Большевики были фанатики, как правило, не имевшие серьезного образования: их можно назвать полунинтеллигентами. Вождь большевиков Ульянов, известный под псевдонимом «Ленин», был ловкий политический тактик, использовавший общую усталость от войны. Его партия готова была заключить мир на любых условиях, и это доставило ей решающую поддержку солдат и матросов. Именно этим объясняется успех большевистского переворота. Поскольку Маркс и Энгельс не оставили никаких указаний об организации нового общества, большевики не знали, что делать со свалившейся в их руки властью, и принялись импровизировать, разрушив хозяйственную систему страны и не умея заменить ее ничем другим.

Русская интеллигенция хотела изменить государственный строй России. В феврале 1917 года она приветствовала взрыв народного гнева, свергнувший гнилую монархию, но она же отвергла октябрьский переворот. Учредительное Собрание, избранное единственным в истории России свободным голосованием, было творением интеллигенции, ее гордостью и надеждой. Интеллигенты не сумели защитить Собрание от горстки сектантов, навязавших России свою волю. Грустная правда состоит в том, что народ, измученный войной, подчинился этой воле. Русская интеллигенция противилась ей, сколько могла. Но она не умела ни вести войну, ни выйти из войны. Историческая вина интеллигенции была именно в том, что она не умела организовать насилие.

Подавляющее большинство интеллигенции было потрясено разгоном Учредительного Собрания и произволом большевиков. Интеллигентная молодежь боролась с ними на фронтах гражданской войны. Заключив с Германией Брестский мир, большевики смогли демобилизовать армию и удержать власть. Они обеспечили нейтралитет крестьян, проведя задуманную эсерами аграрную реформу. Боровшиеся против них силы не имели общей программы и не могли выработать общую политику. «Белая» армия была неестественным союзом монархистов с либералами, и в послевоенной разрухе иностранные государства не могли повлиять на ход российских событий. Большевики выиграли гражданскую войну и сумели продлить свою власть на несколько лет, допустив частное хозяйство под названием «новой экономической политики». Но, конечно, их утопические планы не удались. Сотни тысяч интеллигентов, спасаясь от большевистского террора, ушли в эмиграцию, в том числе самые активные общественные деятели и самые способные люди науки и искусства.

В середине двадцатых годов большевики потеряли власть. Установился фашистский режим во главе с малоизвестным партийным бюрократом Джугашвили, выступавшим под псевдонимом «Сталин». Фашистский период в истории двадцатого века надо рассматривать как промежуточное явление на границе двух исторических эпох, вызванное пережитками феодализма и непрочностью капитализма в отсталых странах Европы и Азии. Сталинский режим использовал невиданные в истории карательные методы, почти полностью уничтожив всю активную часть русского общества. Самое существование «советского общества» было лишь хозяйственным каннибализмом, принесением в жертву людей для продления несостоятельной систе-

мы власти. Анализ советской истории выходит за рамки этой статьи. Но последняя фашистская империя развалилась навсегда, и мы оказались в буржуазном мире, где никому до нас нет дела.

Теперь у нас пытаются восстановить капитализм, но это невозможно без законного порядка. Нынешние политики и журналисты принимают за образец рыночное хозяйство в его современном виде, т. е. *умирающий* капитализм. В сущности, эта система давно уже находится в тупике, у нее нет новых идей, нет планов на будущее. Правители западных стран пытаются справиться с безработицей, искусственно стимулируя бессмысленно раздутое потребление. Не видно выхода из хозяйственного застоя. А главное, западное общество трагически лишено общественных идеалов – целей человеческой деятельности. Мы видим жалкую возню наших правителей, пытающихся соорудить какую-нибудь идеологию. Нами правят нищие духом. Рыночное хозяйство само по себе не может быть целью. Молодые люди ищут смысла в жизни, им нельзя сказать: «Идите на рынок».

Свободного рынка в старом смысле слова, где состязаются независимые производители, давно уже нет. Государственное вмешательство в экономику стало общим правилом, крупные предприятия принадлежат уже не отдельным капиталистам, а сложным корпорациям, управляемым менеджерами и инженерами. Западная экономическая система, в сущности, давно превратилась в пародию на государственный социализм. В этой системе нет разума. Она напоминает машину, движущуюся неизвестно куда, с перегретым мотором и водителем, едва успевающим следить за

показаниями приборов. Она утратила ориентацию на человека и ориентируется на вещи. Нам незачем подражать этой обреченной цивилизации: мы должны понять, что должно ее сменить.

Эпоха капитализма приходит к концу. Интеллигенция стоит на рубеже исторических эпох, между застоём настоящего и трудными решениями будущего. Традиция русской интеллигенции жива. Россия, никогда не принимавшая буржуазного равнодушия к человеку, не мирится с возникающим бесчеловечным обществом, где удачливые воры выставляют напоказ свою роскошь, где образование становится товаром, за который надо платить, где врач спекулирует на страданиях больного, где виновных больше не судят, а неудобных безнаказанно убивают. Нравственные убеждения, завещанные поколениями русских интеллигентов, вызывают в лучших людях нашего времени непреодолимое отвращение к тому, что происходит в России. Такого общества мы не хотим.

Осмысление происходящего и выработка будущих целей являются задачей интеллигенции. Русская интеллигенция должна прежде всего думать о восстановлении русской культуры. Мы не можем надеяться, что кто-нибудь это сделает за нас. Мы не можем рассчитывать на импорт идеологии, как это делали наши предки. Запад может доставить нам только новые товары: у него нет больше новых идей. Россия, где нет буржуазных традиций и где собственность не имеет престижа, может быть местом, где возникнут эти идеи.

2003 год